

ЛЯШКО ЕВГЕНИЯ

**Сказки
для добрых молодцев**

+12

Сказка о том, как Иван богатырь уму разуму учился

Давно это было. Жил на земле русской молодой богатырь Иван. Сильный он был пресильный. Пошёл он как-то на ярмарку да задел ненароком бабульку старенькую. Споткнулся молодец да чуть не упал и вместо извинений поругал её.

— Что ж ты старая тут мешкаешься, добрым людям под ноги суёшься! Мала ты как букашка хвора, кто ж тебя заметит? Сидела бы дома пока беды не надела!

Не простая то была старушка — колдунья знатная.

Осерчала она на молодца, и скрипучим голосом в ответ вымолвила: — Заберу я твою силу богатырскую! Поживи-ка ты сам букашкой хворой, пока ума разума не наберёшься!

Зашептала колдунья заклинание. Топнула ногой и исчезла. Подивился Иван, да рукой махнул. Шёл он меч новый к кузнецу заказывать. Да вот напасть какая с ним вдруг приключилась, ни один меч поднять не может. Обессилел совсем. Вернулся Иван домой ни с чем. Голову повесил. Всех слабее в отцовском доме стал. Уж и младший брат трёхлеток с ним на равных забавляется. Поклонился тогда молодец родителям в ноги и пошёл искать старушку, чтоб вернула она силу его богатырскую.

Долго ходил Иван, исхудал, изголодался. Вышел он как-то на опушку леса. А там глядь, старичок один, сам с ноготок, а лукошко огромное тащит, надрывается.

Жалко его стало Ивану: — Я хоть и слаб, да подсобить всё же смогу! Говори дедушка, куда тебе грибы доставить надобно.

Обрадовался старичок помощи.

— Благодарствую. Недалёко тут моя избушка. Хватай лукошко и за мной шагай.

Тяжёлая была ноша, да вытерпел Иван. Донёс, куда надо было. Сел на завалинке около дедовой лесной избушки отдохнуть.

Выносит ему старичок водицы испить, и спрашивает: — Что в этих краях добрый молодец ищешь?

Поделился тогда Иван, ничего не утаивая.

Покачал старичок головой: — Дурно ты поступил Ванюша. Поди и сам уж это осознал. Попробую тебе помочь. Слышал я про эту колдунью. Близёхонько она живёт. Аккурат за лесом. Сама по миру ходит, а дом её стерегут четырнадцать слуг. Там твоя сила богатырская припрятана. Томиться поди в кованом сундуке.

— Спасибо дедушка. Туда-то я и отправлюсь.

— Не спеши благодарить. Не отдадут тебе за просто так твоё добро. Загадки загадывать будут.

— Так я люблю загадки разгадывать! Легче лёгкого! Вмиг справлюсь, — обрадовался Иван.

— Так-то оно может быть и так. Да не обычные это загадки. Нет у них отгадок. Любой ответ извратить могут слуги колдуны.

Сдвинулись брови молодца на переносице, взмолился он: — Научи дедушка, как с этим справиться!

— Так и быть научу тебя уму разуму. Да только пока не испытаеть себя на деле непонятно будет, усвоил ты урок, а ли нет.

Иван закивал: — Учи, дедушка, учи! Там видно будет.

Уселся старичок рядом на завалинке и стал веточкой по земле чертить фигуры разные, да объяснять.

— Начнут тебе слуги что говорить, а ты слушай не буквально, а между строк какой посыл идёт. Предполагай и определяй намерение убеждений их. Твоя задача стать главным в разговоре вашем, но только чтоб не очевидно было, а то если прознают, худо тебе будет.

Почесал затылок молодец, да промолчал. Не всякая наука без практики понятна.

А старичок тем временем поучает дальше: — Коли станешь главным в глазах их, до чего угодно договоришься. Силу твою богатырскую они сами тебе вручат. Переопределяй слова

со значениями. Намекай, к чему их нерадивость или нерасторопность привести может. Не можешь в чём-то убедить, так начинай с малого. Дроби на части, а от своего не отступай, а коли почувствуешь надобность, так наоборот обобщай всё, приводи в пример похожести, говори с позиции прошлого или будущего, предлагай другой исход дела, ссылайся если что на то, что есть и другие, может быть более мудрые высказывания, чем их размышления.

Закружилось всё перед глазами у молодца, пошатнулся он от учений таких мудрёных.

Смеётся старичок: — Ничего. Когда время придёт, голова поможет справиться, не для красоты человек её носит. Главное сейчас слушай и запоминай. Спутать тебе надо их фантазии с реальностью. Направляй их самих на себя. Пусть доводы исключений в своих же словах сами отыскивают. Выводи их мысли словесно в нижний ранг, запутай иерархии. Ум твой должен поиграть с ними, заставить примерять твои ежовые рукавицы словоблудия. Смелее будь, в такие же рукавички они сами тебя непременно захотят поместить, потому обдумывай и на них же их речи направляй, меняй их убеждения, тесни одно относительно другого. А как почувствуешь, что слуги в тебе силу признали, так проси силушку твою богатырскую выдать.

Подивился молодец, поклонился старичку: — Спасибо дедушка за науку. Уж не знаю, всё ль усвоил. Да другой дороги у меня нет.

И зашагал молодец, куда старичок указал.

Приходит он к хоромам белокаменным. А там, на широком крыльце четырнадцать слуг колдуньи сидят, чай пьют. Увидели они Ивана, обрадовались. Выбежали к нему во двор, окружили со всех сторон.

— Давно мы тебя Ванюша поджидаем. Загадки приготовили, — говорит старший среди них.

Чуть склонил голову Иван в знак согласия: — Загадывайте, я готов.

Первый слуга подбоченился: — Вот скажи нам друг любезный, почему я от колдуньи не ухожу, какой уж год для неё спину горблю?

Иван хмыкнул, прокрутил в голове, чему учили и отвечает: — О, так постоянство важно для тебя, а ли нет?

Заморгал первый слуга, не знает, что и ответить, ведь постоянство то всем нужно, не сможет доказать обратное.

Подскочил второй слуга: — Я вот думаю, что подруга сердечная, став женой, всегда должна быть послушна, так ли это?

Иван, и глазом не моргнув, отвечает: — Если вам сударь нравятся безвольные женщины, тогда конечно.

Полезли глаза на лоб у второго слуги, не знает, что дальше сказать.

Третий слуга подбежал: — Я тебе вот что скажу. Не способен я, от табачной страсти избавиться. Вредно, знаю, да нет умения такого. Как ответишь ты на это?

Улыбнулся Иван: — Думаю, что ты хороший способ сообразил, чтобы извиниться перед родными за смерть свою раннюю.

Как у рыбы, выброшенной на берег зашлёпал рот у третьего слуги, ни один ответ достойный в голову не приходит.

А тут уж четвёртый слуга подоспел с загадкой: — Ой, а у меня такая же беда как у друга моего. Не могу уйти от колдуньи. Работаю как вол, устал, а не могу покинуть её.

— Почему не можешь? — переспросил Иван и давай пальцы загибать: — Доделать что-то надобно, а ты не успеваешь? Попросить облегчить труд не можешь? А ли поговорить с ней боишься?

Завалил вопросами Иван, дробит он проблему, как старичок учил. Оцепенел слуга, молчит.

И тут пятый слуга слово взял, помогает четвёртому: — Не получится и у меня уйти с этой службы, и всё тут!

Иван повернулся к пятому, да как рассмеётся: — И в лес по грибы сходить не получится, и с дерева яблочка наливного не снять, да воды ключевой не испить, до рта стакан не поднести, да комара противного не отогнать!

Замер пятый слуга, таращит глаза, не поймёт что сказать.

Шестой слуга отозвался: — Вот скажи мне Иван, нет у тебя силы богатырской, поди неудачник ты?

Чуть замялся молодец, но понимает нельзя раскисать, улыбнулся ласково и спокойно отвечает: — Ой, ли? По твоему разумению получается, что всякие малявники да рисовальщики это вруны? Ни один же из них заподлинно не передаёт картинку на полотно.

Обомлел шестой слуга.

Седьмой подсобляет, с хитрым прищуром, молвит: — И я тоже от колдуньи уйти не могу!

Вспотел Иван, кипит уж голова, да кружится, на один и тот же вопрос непросто ответы искать. Понимает, что запутать его слуги колдуньи хотят.

Да не унывает он, поднатужился, покумекал маленько и отвечает: — Ох и странные вы! Подумайте лучше о том, что однажды будите внучкам рассказывать, как службу трудную у колдуньи несли, то-то они вами восхищаться будут! Да припомните, что, когда учились чему на уроках каких тоже поди помышляли о том, что учёба та не никогда закончится, а завершилась всё же.

Притихли слуги на мгновение, но задачу свою не забывают, беспокоятся, зажужжали, как улей диких плёл, следующего подначивают.

Вот уж и восьмой слуга выступил: — Скажи-ка мне любезный, должна ли жена о муже всегда заботу проявлять?

Приосанился Иван: — Может и должна, да только о себе тогда некогда ей будет позаботиться. Да и мужа она от самостоятельности отвадит, что он тогда делать будет?

Сник восьмой слуга, слово девятому передаёт.

— А ну-ка растолкуй нам Иван, что самое важное на свете? Как по мне, так это то, чтобы не зависеть ни от кого.

Смело Иван отвечает: — А я слышал, что любовь важнее всего в мире.

Кто же против любви то будет высказываться? Снова примолкли слуги колдуньи.

Настал черёд десятого слуги: — Любовь говоришь важнее, хорошо. Значит, жениться надо только один раз и обязательно по любви.

Вздохнул Иван затылок, и с усмешкой отвечает: — А как собственно ты узнаешь, что это истинно так? Научи меня, коль знания таковые имеются.

Поджал губы десятый, умолк. Одиннадцатый шаг вперёд сделал.

— Правду ли толкуют, что мужчины всегда женщин обманывают?

Развёл руками Иван, глаза округлил: — Неужто ни разу правду не сказали? Вспомни, ну хоть разок да было по-другому?

Молчит и одиннадцатый, нет у него доводов надёжных.

Двенадцатый выступил с вопросом: — Коли умный ты такой сыскался, так помоги мне. Болезнь одна со мной приключилась. Всё непоследовательно делаю.

Икнул Иван от проблемы такой, повздыхал, поохал немного, да и говорит: — Вот ты мне скажи, а что для тебя имеет большее значение: по распорядку дело какое творить или желаемое получить?

Опешил двенадцатый, чувствует, что ни скажи выкрутиться молодец. Отступил и он в сторону.

Тринадцатый слуга уж слово взял: — А давай-ка о лжи ещё чуток поговорим. Люди постоянно что-то приукрашивают, а ли в чём другом в заблуждение вводят. Все вруны получается?

— Друг мой, зачем это вы меня обманываете! — громко воскликнул Иван и как дитя неразумное ногами затопал.

Отскочил и тот в сторону. Смотрят тринадцать слуг на четырнадцатого. На него вся надежда осталась. Чешет тот бороду, думает, как подступиться.

И вот бородач изрёк: — Есть у человека плен один всесильный. Самообман называется. Никому из него не вырваться, так ли это?

Забилась часто сердце у молодца, стал лихорадочно он в уме перебирать советы старичка, да и припомнил, что чтобы убеждение сменить надобно, относительно него создать другое убеждение, которым вытеснить предыдущее.

Заулыбался Иван и стал слово молвить: — Сколько не внушай себе, что удочку с собой не позабыл, да без неё рыбалка не состоится и всё ж домой придётся воротиться. Так что как ни коварен самообман, да есть из него пути дорожки, кто захочет, всяко выберется.

И четырнадцатый притих. Переглянулись слуги колдуньи, пожали плечами и, не сговариваясь в хоромы побежали. Радуетя Иван. Всё сделал, как старичок велел. Ждет, что сундук сейчас слуги вынесут. А тут вдруг колдунья прибыла, и слуги её на крыльцо с сундуком выходят. Догадалась старушка, что произошло, подобрела, а Иван ей в пояс кланяется, на сундук даже не смотрит.

— Прости бабушка за мою незрелость глупую. Благодарствую тебе, уразумел я теперь, в чём силушка настоящая находится, не в мышцах она, а в голове да в сердце кроется.

— Вижу, вижу, окреп ты умом богатырь, — приветливо вымолвила колдунья и открыла сундук.

Налились руки и ноги молодца силою прежнюю, поблагодарил он всех и пошёл восвояси. С тех пор Иван никогда и никого не обижал, силой своей не кичился.

Новая традиция

Задумал как-то один царь для народа благое дело сделать. Искал он, выспрашивал и подметил, что его подданным надобно. Огромная старая выгребная яма, куда сносились сор да хлам со всего царства, чадила зловониями на всю округу. Созвал он мудрых мужей и стал совет держать, как избавиться от столь неприглядной картины. Да вот беда, мало того что надо яму схоронить, надо ещё новое место определить под мусор всякий, а это тут же новую задачу рисует. Опять зловонием царство обрасти может.

Думали мудрецы, думали, никто дельный совет дать не может. Кинул клич царь по всему царству. Недолго искал. Нашёлся один мужичок, показал он, как у себя в деревне с соседями перебирал отходы, и не было у них выгребной ямы вовсе. Потому как подчистую разбор шёл. Железо на кузницу, пища какая животным домашним уходила, мебель старая на растопку, из тряпок не нужных подушки да игрушки шили и жили припеваючи, никакой смрад их не беспокоил.

Обрадовался царь. Велел выстроить особый двор, где мусор перебирать, а старую выгребную яму наказал с землёй сравнять. Быстро всё подданные сделали, да только на месте ямы всё время новый мусор появлялся. Уж и караульных выставили, а народ на прежнее место всё негодное тащит, перебирать ничего не хочет.

Приуныл царь, снова совет собрал. Хочет народ образумить. Не везёт царю. Отнекиваются, как могут советники. Тогда разгневался царь и бросил, что под руку попало. Полетело с золотого блюда яблоко и прямёхонько к самому молодому советнику на колени упало.

— Тебе и ответ держать. Даю седмицу. Справишься, награжу, а коли ничего не изменится мой меч, твоя голова с плеч!

Пригорюнился советник, а делать нечего. Стал он думу думать, как уцелеть. Всю ночь не спал, а утром осенило его как гром среди ясного неба: — Царь Батюшка ведь для нас старается. Надо мне найти молодцов в соратники, да таких, чтобы как я истинно верили в это доброе дело.

Весь первый день искал он соратников, растолковывал самым уважаемым среди народа мужам, что дальше уж так больше нельзя. Не ровен час, в болото гниущее царство превратится, вместо цветов пахучих лягушки квакать будут. Ждёт всех погибель неминуемая. В этот же день пошли его соратники в люди, и давай там беседы вести да объяснять. Взволновался народ. Не спится теперь им. Страшно за кров родной, за родимых детушек, да за добро нажитое. Пропадёт же всё, да родину покинуть придётся. Уж видится им как с сумой они горемычные по свету идут, угла, чтоб приткнуться, найти не могут.

На второй день снова собрал советник мужей уважаемых: — Идите люди добрые да разделяйте хлам всякий, что сами творите. Показывайте остальным, как можно судьбинушку лютую приласкать, чтоб подобрела она к нам и зла не делала.

Поспешили соратники, и другим наказ давать не забывают. Весь день народ трудился. Горы мусора наворотил. А что дальше делать не знают. Тут советник подбегает, да не один. Привёл он с собой мастеровых, которым нужда в таком сырье была. Взглянули они на то, что пред очами предстало, обрадовались. Кинулись в телеги свои грузить. Даром сколько сырья досталось, всё в руки так и просится. Довольные люди разошлись.

На третий, четвёртый, пятый и шестой день советник созывал соратников. Поучал, что и как делать надобно.

Твердил советник: — Пока не станет дело обыденным, подсобляйте народу. Потом люди сами и без вашего надзору новый порядок блюсти будут.

На седьмой день прошёлся советник по стольному граду, радуется душа, приняли поданные подарок царский. Осталось только по сёлам да деревням по-новому всё обустроить. Опечалился он, закручинился. Не успеть ему за один день. Пошёл он с роднёй прощаться.

А те диву даются: — Али ты не знаешь! В деревнях да сёлах уж давно народ как в столице приспособился. Купцы да торговый люд и за кордон секрет сей раструбили. Теперь уж и стар, и млад кичатся, что у нас так принято.

Перестал печалиться советник, грудь колесом выпятил.

На следующий день получил он заслуженную награду. Однако после милости царской не предался отдыху. Создал он особый караул, который за новым порядком следить стал и подсказывал людям, где что дельное сотворить можно. Ибо уразумел советник, что ни одна традиция без хранителя в веках не затвердеет, а потеряется. Всякому даже благому делу дисциплина нужна.

Капкан

Сидят как-то за столом мужик с бабой и все их шестеро детей. Ужинают, да разговоры ведут.

Вдруг баба говорит: — Что-то давно мы моего брата не навещали. Петруша, сынок, ты у нас самый старший, съезди завтра дядьку проведай.

— Дело сказываешь, — кивает супруг. — Да только на завтра у меня на сына надежда была на охоту сходить. Уже с мужиками сговорились. Коли удачно всё сложится, я соседей к нам в гости позвал с дичью справиться да обедом угоститься.

Баба вскинулась: — А почему мне ничего не сказали? Это же мне уже сегодня надо всё для теста приготовить, чтобы с утра хлеб выпекать!

Пётр вставил слово ласковое: — Мамка, да ты же шустрая, сколько всего, а ты одна поспеваешь. Справишься.

Но мать только больше разгневалась: — Со свету сжить меня хотите? Думаете, на всё про всё у меня силушки хватит?

Отец гаркнул на Петра: — Сидел бы молча, чего масла в огонь подливаешь!

Мать подскочила: — Не тронь Петрушку! Не позволю!

Так они ссорились ещё какое-то время. Дети потихоньку из-за стола ушли да по углам избы попрятались, а потом и вовсе спать легли.

Пётр один за всех отдувался, но и он умолк, напоследок спросив: — Так куда мне завтра?

Ответа не последовало. Родители были заняты спором, и Пётр, по примеру, младших пошёл спать.

На следующий день вручила сыну мать суму с гостинцами и наказала за один день обернуться, в гостях не рассиживаться и к вечеру дома быть, чтоб отцу с добычей помочь. Сел Пётр на коня и поспешил в соседнее село, где дядька жил. Как раз к обеду поспел. За стол его усадили, расспрашивать про житьё-бытьё стали. Приятно у дядьки. Лица приветливые. Никто не хмурится. Не ссорятся по пустякам.

Стало Петру любопытно, как так по-доброму всё обустроено получилось, и он напрямую у дядьки спрашивает: — Поделитесь секретом, как такую ладную гавань в семейном гнезде устроить, чтоб супруги складно жили да с детьми у них мир был?

Усмехнулся дядька: — Поди жениться надумал, большой уж совсем племянничек вымахал, — похлопал он Петра по плечу: — Как не поделиться, поделюсь. Ссоры это что капкан на медведя. Запрятана ловушка глубоко, никак её не приметить. А коли попался, то острые зубья, больно впиваются, самому и не выбраться. Оттого лучше вражду вовсе не затевать, да полюбовно вопросы решать.

— Что же молчать надо коли, чем недоволен? — усомнился Пётр.

— Зачем молчать? Проговаривать всё обязательно надобно. Камни обид за пазухой носить не следует. Случилось что, с супругой ласково без свидетелей проговорить. Решение само найдётся в беседе вашей.

— И это всё? — изумился Пётр.

— Есть ещё несколько советов. Старшим не перечить. Никогда плохо о родственниках друг друга не отзываться. Родственники они же идут как часть приданого супруги. Хочешь, прими и близко общайся, а коли характерами не сошлись, так лучше вежливо разговоры веди да не сближайся. От этого никому худо не будет.

— И это теперь всё? — потирает руки племянник.

— Какой прыткий! — хохочет дядька. — Слушай дальше. Коли супруга, что состряпала не так, не сердчай на неё. Она сама на себя в обиде. Приголубь лучше, посмейтесь. Разговоры личные при детях не ведите, а то отпрыски от малолетства, что не так поймут, подобидаются или по деревне растрезвонят и вам ссору в избу накличат.

— Теперь весь секрет? — подпрыгнул Пётр на лавке.

Качает головой дядька: — Если родители её али твои вдруг перебранку затеяли, молчи как рыба и уходи, да другим участвовать не позволяй. Они помирятся, а ты неугодным станешь, коли свидетелем будешь их распрей. А это потом и в твои отношения с супругой трещиной ляжет.

Заохал Пётр: — Сколько же всего надобно!

— Так это я тебе так, по верхам поведал. Ты главное помни, злым словом ответишь, и оно к тебе вернётся. Чтобы мир в доме был самому стараться надобно и другим домочадцам подсоблять, — отвечает дядька.

Встал племянник, поклон низкий отвесил и с благодарностью заявил: — Я теперь к вам чаще захаживать буду. Понял, что такую науку с наскака не познать.

— Толковый у меня племяш, оказывается! — похвалил дядька. — Милости просим!

С тех пор Пётр был частым гостем у дяди. Смекнул молодец, что дома ему такому обхождению не научится, ибо, сколько он себя помнил, родители его постоянно как кошка с собакой жили, таких уж не переделать, но себя да малых братьев с сёстрами по дядькиной науке уберечь от размолвок можно.

Балбес

Жили-были мужик да баба работающие. Был у них сын Василий, ленивый преленивый. Ни за какую работу браться не хотел. Сначала настоял, чтобы родители его кормили до усов, потом и до бороды.

А как бороду отпустил, так и заявил: — Растили вы меня до бороды, а теперь растите и до старости.

Обомлели родители от такого. Сил уж как раньше нет. Пригорюнились.

Мать сидит, слёзы платочком вытирает да приговаривает: — Изба у нас добротна построена, авось и на твой век, сыночек, хватит. Да когда наши силы к концу совсем подойдут, кто же о тебе позаботится? Кто тебя родненький покормит? Кто обогреет?

Стукнул отец по столу и говорит: — Хватит причитать. Избаловали мы дитятку своего. Балбесом вырос. Только в одном наше счастье — женить Васятку надобно.

Дивится баба: — Где же мы ему невесту сыщем? Девицы толк в парнях понимают, пойдут только за того, кто с руками.

— Васятка может и баловень, да незлой. Найдётся такая, которая разглядит в нём доброту, да на верную дорогу наставит, коль мы с тобой не сумели, — ответил мужик.

А Васятка сидит, будто и не о нём речь вовсе, даже думать об этом не хочет, лень.

Стали родители присматриваться да разговоры сватовские заводить. Сначала к соседским дочкам, потом по деревне искать начали, да все хорошо их Васятку знают, никто за такого замуж идти не хочет. Уж год прошёл, а никак подходящей для сына зазнобы не найдут. К тому времени осень наступила. Собрался мужик на ярмарку урожаем продавать. Сына с собой зовёт, тот не сопротивляется. Ясное дело на ярмарке гулянье, да вещицы любопытные бывают. Поехали они вдвоём, а мать дома осталась. Приезжают в город. Торговые ряды ломятся от изобилия всякого. Стал отец с телеги распродавать, что вырастил в саду и в огороде, а Васятка гулять направился. Гулял он, гулял и видит, сидит девица одна в лавке, медовыми пряниками торгует. По сердцу пришлась она молодцу, решил он счастья попытать. Да как подступиться не знает.

Походил он кругами, смелости набрался, приблизился наконец-то к лавке и спрашивает: — Почем красавица прянички?

— Пятачок за каждый, — улыбнулась та, да глаза потупила, понравился ей Васятка, видела она, как это молодец перед лавкой маячит, уж разглядела хорошенько.

— А коли я тебя поцелую, может, подаришь? — попытался Васятка выпросить гостинец, как с мамкой по обыкновению поступал.

— Она ты какой! — рассмеялась девица. — Подарить могу, да цена другая будет, коль у тебя пятак нет.

— Сплясать али спеть требуется? — оживился молодец.

— Не угадал, — хохочет девица. — Вон видишь, кузница стоит. Там огонь в горне пылает. Обронила я туда своё колечко. Вынешь, подарю пряничек.

Почесал затылок Васятка. Нравится девица, а как с ней разговоры вести не знает. И в огонь лезть страшно. Да думает, если он ей колечко добудет, то она смилостивится, поймёт, что по нраву она ему. Подумал, подумал Васятка и надумал. Пошёл к кузнецу и давай кланяться да выпрашивать, чтобы тот пламя погасил.

Смекнул кузнец, в чём загадка, девица эта дочкой ему приходилась, и прямо заявил: — Коли хочешь деву эту добыть, так становись рядом. Обучу тебя как с пламенем управляться.

Стало молодцу отрадно. Кузнец не гонит, не говорит, что мал да не дорос, обучать готов. Схватился он за молот и бегом к наковальне.

— Учи, усердным учеником буду!

Уж ярмарка к концу подходит, распродал добро мужик, а сына всё нет и нет. Пошёл он его искать. Смотрит лавки закрываются, народ расходится, только в кузнице звон стоит. Заглянул мужик туда и диву даётся. Васятка рад радёшенек стоит. Чумазый весь, а так и светится.

Окликнул сына мужик: — Сынок, не обожгись, да беды не наделай! Уж голодный поди совсем, мать нас дожидается с ужином, домой пора!

Обернулся тот и кричит в ответ: — Обожди батенька чуток. Для невесты колечко заканчиваю.

Схватил он щипцы, болванку из огня железную вынул, да в воду колодезную окунул. Зашипела вода. Паром бушует. Достал Васятка колечко, потёр, как кузнец велел и к дочке его побежал. Пал на колени, в жены зовёт. Согласилась та.

Чуть не плачет мужик, стоит. Свершилось. Дитятко любимое счастье обрело.

А тут кузнец подходит: — Хорошего сына ты вырастил сватушка, работающего. Крепкая семья получится.

Кивает мужик, грудь выпятил, а сам думает: «Коли с сыном не возиться, а как с равным разговоры вести, то он молодец каких не знали, оказывается».

Заморские берега

С юных лет купеческий сын Иван грезил посетить заморские берега. Видел он какие товары батюшка оттуда привозит. Нечета местным. Что ни вещица, то забава. Думалось Ивану, что живут безбедно и вольно за морем люди, раз столько развлечений создают. Раздумывал он себе и невесту заморскую подыскать.

И вот настал час Ивану сменить батюшку. Теперь отец дома в лавке торговал, а сына в дальний путь снарядил и с другими купцами на одном корабле за море то и отправил.

Плывёт Иван, радуется, мечтает, да размышляет: «Эх, коли там так хорошо, так может, и жить там останусь, когда родители представятся?».

И вот причалили купцы русские к чужому берегу, где крупный город стоял. На пять дней остановка. Стал Иван с другими купцами товары продавать, да диковинки для закупа искать, да выведывать, как живётся тут люду разному. Видит он, складно всё получается. Деньги даёт, товар берёт. Люди довольны. Долго он так ходил. Укрепился в мыслях, что хочет на заморском берегу корни пустить. Так четыре дня в сладостных мечтах и пролетело.

Осталось у Ивана времени всего один денёк до отплытия, и думает он: «Товары скупил. Отец доволен останется. Стало быть, можно и заглянуть дальше торговых рядов несметных. С житьём-бытьём местным познакомиться. Как ни как, а жизнь человека не только из одной работы состоит, нужна ещё и пища духовная. Заодно прознаю, какие тут девушки живут, а может, и какую засватаю».

Оделся он в лучшие одежды, как жених, и пошагал по городу. Идет, радёшенек, улыбается. Да только скоро стала блеклой его улыбка. В корчме подавал мужик с бородой в одеянии нелепом. Девушки по улицам ходят как силачи из цирка, мышцами играют, да наколками пугают, кричат, что опостылело им детей рожать, для себя только жить хотят. Унылые лица стариков из окон богаделен смотрят, свозят их туда доживать, никто о сбережении мудрости не заботится, детям малым не передаёт. Ринулся Иван в театр и там срам. Люди нагими по сцене скачут, дикие песни орут. Кинулся купеческий сын вон из того театра. Смотрит, на площади люди собрались. Кукольное представление идёт. Он туда.

«Дайка, — думает Иван, — сказки их послушаю. Ведь ещё прадед сказывал, что о традициях народа по его сказаниям, да былинам узнать можно».

Пристроился он в сторонке и диву даётся. Что ни сказка, а там вместо мудрости житейской о халявных барышах толкуют. Обмани того у кого золото есть и будет тебе счастье. Пронырливые герои только. Всё норовят стащить то золотую курицу, то арфу волшебную или

просто златом серебром чужим поживиться. За просто так всего хотят. Угадать желают. Сытная жизнь их интересует. Словно и не ведают ничегошеньки о жизни духовной.

«Где же созидание-то?» — ударила мысль молнией сына купеческого.

Затряс он головой как от дурного сна и дальше пошёл. Видит, народ толпится, не подступиться. Кое-как втиснулся Иван, да пробрался в самый центр, а там куча мусора лежит. Люди вокруг стоят, да восхваляют художника её создавшего. Зашевелились волосы под шапкой у Ивана от искусства такого. Побрёл он к пристани.

Идёт и думы невеселые разбирает: «Что же это делается? Дома коли какой мастер творит, то это и глазу и сердцу приятно, а тут всё отвратное такое. Как я мог мечтать о заморской невесте? Чему она детей научить сможет?».

Вдруг увидел Иван очередь длиннюшую. Не хочет уже смотреть чего там народ желает увидеть. Идёт дальше, а вереница людская всё вьётся, не кончается. Любопытно ему стало, что же там такое. Выискал он, куда очередь ведёт, подошёл близко и встал как громом поражённый. Оказывается местные торговцы, что в первые дни все товары с русского корабля прикупили, в три дорога их в особом доходном доме выставили.

Всё признал Иван. И Псковские льняные ткани с меховыми шубами Сибирскими. Оружие из булата, да стали дамаской Новгородские. Иконы расписные Московские. Изделия ювелиров Костромских. Ковку, да чеканку Черниговскую. Холмогорских резчиков товары из кости моржовой. Изделия из хлопка, специи, да пряности из Азии. Словно по всей Родной сторонуще взор прогулялся.

Пронзила тогда сына купеческого тоска по дому, завздыхал он с горечью, да осмыслил: «Ах, вот оно что. Тут созидать не научились, торгуют мастерски и только безделицы творят».

Воспылал Иван гордостью за Отчизну. Вскинул он голову и важной походкой зашагал на корабль. Больше он никогда не помышлял Родину на безделушки менять. Домой воротился и тут же жену себе сыскал, да скорёхонько женился.

А когда детки пошли, то он им сызмала наставление давал: — Коли хотите в чём-то разобраться, то знайте, истина откроется не сразу. Очистить зёрна от плевел вы сможете, да из всех ваших усилий только пятая часть к правде приведёт. Потому никогда не торопитесь, к сердцу да близким прислушивайтесь.

Сказка о том, как Данила в ученики ходил

Жил да был один молодец по имени Данила. Нравилось ему мастерство всякое познавать. Да вот беда. За что не возьмётся, через время не радуется делу новое, не горит душа как в начале. И к художнику нанимался, и к скульптору. И избы строил, и телеги мастерил. Да не более полугода задерживался. И вот опять он расстроенный сидит.

— Чего пригорюнился? — спрашивает горшечник.

Данила отвечает: — Познал я мастерство твоё. Нечему больше учиться у тебя. Пойду дальше что искать, авось подвернётся что пригожее.

Не стал его горшечник удерживать, коли не любо стало, то и красоты в работе не жди. Никто такие горшки не купит.

Пошёл Данила в Тобольск. Слышал он, что там резьбой по кости один мастер искусный промышляет. Табакерки чудные делает, шкатулки расписные, да украшения дивные. Отыскал он его и в ученики напросился. Да так в этих учениках и остался. Уж который год проходит, а Данила всё не уходит. И бороду отрастил, и женился, и дети уж малые бегают, а он всё постигает науку резьбы по кости. Вот и к нему люди в ученики проситься стали. Пошёл он тогда к учителю.

Спрашивает Данила с поклоном: — Посоветуй, разве могу я учить кого, коли сам ещё не познал все секреты мастерства?

— Отчего не можешь? Накопил ты знаний, чтобы и с другими поделиться, — отвечает ему мастер.

Обрадовался Данила да вдруг потемнел лицом и обеспокоено спрашивает: — Учитель, будь добр, раскрой мне тайну. Как сделать так, чтобы ученики от меня не разбежались?

Посмеялся мастер в бороду и говорит: — Нет здесь тайны. Любить своё дело надобно. А чтобы любовь не прошла, то, как с девицей, когда ухаживаешь, искать способы приятное сделать.

— Это как же?

— А вот как. Сделает ученик какую поделку хорошо, похвали, да спроси, что ещё можно добавить, чтобы краше фигурка стала. И так спрашивай, пока он сам не научится свои работы до совершенства доводить. Этим ты сделаешь так, чтобы ученик твой сам просился новые техники осваивать. Всегда знал, что чего-то ему не достаёт, чтобы стать настоящим мастером. Тогда работам его равных не будет, потянется народ к его искусству. Да и для любого такой подход к жизни уместен будет. А то ведь как бывает. Наймётся человек на работу и мается, скучно. Нет бы, посмотреть, как по иному работу свою делать, приукрасить, так он прыгает от хозяина к хозяину и душой гибнет без дела интересного.

Поблагодарил Данила учителя. Радостный пошёл. А как не радоваться, свой век интересно проживать будет.

Ключики

Жил да был один богатый мельник. Слыл он в округе самым скупым человеком. И вот как-то раскололись у него на мельнице жернова. Надо срочно новые изготовить и установить. Убытки терпит, коли мельница хоть один денёчек стоит. Стал он подсчитывать, как дешевле всё обустроить. Берedit бороду мельник, а как ни крути, а работников сноровистых, да умелых нанимать надо. И решил он тогда на мастере свои рубрики приберечь.

Думает скряга: «Зачем им старшой? И без него все расторопные удальцы, да дело своё знают».

Как решил, так и сделал. Да вот ни задача. Работники ни как порядок не наведут и более того скоро от их недельных усердий и от самой мельницы камня на камне не останется. Как увидел это мельник, сам пытался всех образумить. Да куда там. Толкаются труженики, сказывают, что как лучше стараются. Ещё и обижаются стали, что хозяин ими недоволен, работают спустя рукава. Послал тогда мельник сына за мастером. Велит без него домой не возвращаться.

Упросил сын мельника мастера, потому как не стал тот долго сопротивляться, да обиды какие выказывать. Не впервой ему, что люди не видят и не понимают работы старшого, когда мастер рядом находится, вспоминают о нём только уже когда худо какое разбирать надобно.

Живо пошла с мастером работа. За два дня справились. Стало мельнику страсть как любопытно, как это мастер так лихо управляется. Думу думает скряга, что как если случай настанет, то без мастера обойтись сможет. Заплатил он как положено, и стал мастера потчевать пирогами, да выведывать.

— Скажи мне мастер, в чём твоя тайна кроется? Уж не колдун ли ты?

— Что ты! Причём колдовство? Дело простое. Надо в ремесле толк знать, да людей друг с другом слаживать.

— Как это слаживать? — почесал бороду мельник.

— Мил человек, сколько лет живёшь, а неужели не приметил, что у каждого свой характер? Чтобы ладно люди работали надо ласковым словом их меж собой мирить, да на дело верное наставлять.

— Это как? — таращит глаза мельник.

— А вот как. Понаблюдаешь за людьми не разок, не два, не три, и сам выявишь, что Природа нас всех на четыре норова поделила. Есть те, что с пелёнок, что Генералы при погонах. Им только командовать подавай, и если кто перечить вздумает, только распалются. Другие Наперсники, словно лучшие друзья, улыбаются, хотят уговорить товарищей, на свой лад всех перетянуть, да перестроить. Но они не как генералы, не приказывают. Голосом, да напором не берут. Третьи работнички Слушатели, что зрители прекрасные, во всём готовы удружить, всем кивают, со всеми соглашаются, всем в ладошки хлопают. А четвёртые Тихони, почём зря не болтают, осторожничают. Работают помаленьку и других не отвлекают.

— И как же с ними управляться? — словно одеревенел мельник от такого расклада.

Усмехнулся мастер: — Разговоры разумные вести, да в напарники верные друг дружке ставить. А то ведь как бывает. Они все своё дело знают, но коли рядом встретятся два несогласных Генерала, так быть общей перепалке, а то и войне. Наперсники же в избытке чувств от бесед любезных и про работу забудут вовсе, праздник устроят. Одни Слушатели только договорятся, и мирно трудиться будут, коли к ним ни кто из генералов не нагрянет и не застопорит. А если Тихони соберутся, то могут в такие дебри словесные уйти, в поисках наилучшего порядка, что и забудут, что от них требовалось, в рассуждениях как в болоте завязнут, про срок позабудут. Резвость не их конёк, они ведь от самого труда удовольствие получают.

Мельник подставил ещё пирогов мастеру и настойчиво спрашивает: — И как же именно ты их меж собой слаживаешь?

Хохочет мастер, рукой махнул: — Да по-разному. Ключики каждый раз новые подбираю, чтобы всё пошло-поехало. Много ведь ещё зависит и от того, кто с какой ноги утречком встал. Мы ведь кроме норова разного ещё и под настроением ходим не одинаковым. Если не присматривать за тем, чтобы семейный очаг любви не погас, то и семьи не будет, рассорятся все, да разбегутся. Так и у тружеников, помогать надо каждому работнику с самим собой и среди других и с норовом, и с настроением уживаться, да напоминать, что дело общее творим.

Подумал тогда мельник: «Видать мастер не зря хлеб свой ест. Поди, попробуй, собери таких работничков, чтоб как одна дружина слажено трудились».

С тех пор мельник хоть и был по-прежнему скрягой, да мастеровых жаловал, и никогда больше на них выгоду не искал.

Подарок

Жили-были две сестрицы, две красавицы старшая Авдотья, да младшая Акулина. Дружными, ласковыми девушками росли они на радость родителям. И вот настала пора выдать их замуж. Нашлись женихи, обвенчались сёстры и семьями разными зажили.

Встречаются сестрицы через некоторое время и рассказывают друг другу, как им теперь живётся.

Говорит Авдотья: — Как мне с матушкой супруга моего повезло. Всё подсказывает. Делиться опытом по хозяйству и что лучше для моего мужа сделать надобно обучает.

Акулина с доброй завистью вздыхает: — А мне досталась сварливая женщина в свекрови.

Приголубила её старшая сестрица и спрашивает: — Что ты такое говоришь? Неужто позабыла, как маменька сказывала, что ко всякому человеку если с добром, то и он к тебе так же будет?

— Ах, Авдотья, я к ней ласково подходила, выпрашивала...

Хмурит брови старшая: — А она что, молчит?

Крутит головой Акулина: — Нет, сказывает. И сама советовать пытается. Да только меня понять не хочет.

Всплеснула руками Авдотья: — Так вот оно что! Ты спорить вздумала, да ещё и оправдываться! Вы так в век не помиритесь, и общего языка не сыщите.

Охнула младшая сестрица, взмолилась: — Научи сестричка, как мне быть!

Приобняла её старшая и отвечает: — Наука эта не хитрая. Вспоминай, как я делала коли родители нас, в чём поучали.

Пожимает младшая сестра плечами. Тогда всё с рук сходило. Авдотья заступницей была.

Улыбнулась старшая сестрица: — Не робей, коль подзабыла. Сейчас наскоро напомним. Загибай пальцы. Во-первых, если тебе говорят что-то о твоём труде, считай, что это подарок. Прими молча. Не смотрят на дареное с оценкой. Во-вторых, не пытайся заранее думать, что тебя отругать хотят. Выслушай, да поблагодари. Уточни осторожно, если что непонятно, да и только. В-третьих, в споры не вступай, не перечь и не обижайся, помни, что каждому в любом возрасте есть чему поучиться. И самое главное сама проси, чтобы тебе подсказали и до того как начала что-то делать и после приглашай, чтоб посмотрели работу твою. Строить отношения уважительные надо и прислушиваться к советам, тогда и тебя лучше понимать будет матушка супруга.

Закивала младшая сестрица: — Так теперь делать и буду.

Встречаются сестрицы ещё через какое-то время.

— Ну как? Сдружилась с матушкой супруга? — вопрошает Авдотья.

Слезами заливается Акулина: — Всё делаю, как ты велела, а она только больше злится. Что не сделаю, она всегда недовольна.

Вздыхнула горько старшая сестрица: — Что же, не хотела я тебе этого в прошлый раз говорить. Надежда теплилась, что миром разойдётесь. Да не случилось. Слушай же. Помнишь, я тебе сказывала, что, то, как о твоём труде отзываются это подарок. Так вот уразумей. Любой подарок принимаем, да какой-то на виду и в деле, а другой в чулане хранится. Так и ты. Что-то из речей прими, а что-то отложи куда подальше. Своим умом живи. Ты, поди супруга своего уже хорошо узнала и сама знаешь как для него постараться, чтоб для вашей семьи хорошо было. Но только помни, она мужа твоего мать родная. Не вмешивай супруга в раздоры ваши. Не заставляй между сыновним долгом и супружеским выбирать. Уважение проявляй к родителям его, да помалкивай. Супруг твой и сам всё прекрасно видит и подмечает.

Поплакалась ещё чуток младшая старшей, да пошли они восвояси.

Прошло ещё время. Опять сестрицы под родным кровом у родителей встретились.

Светится и пылает Акулина как праздничный самовар: — Делала, как ты сказывала. Сладилось всё, а теперь ещё лучше стало. Новый дом выстроил супруг, каждая хозяйка при деле в своей избе и разговоров былых у нас с матушкой мужа не стало. А главная радость — прибавление в семье ждём. Теперь все вокруг только о будущем счастливом воркуют.

Порадовалась за сестрицу Авдотья. И тоже о прибавлении в семействе поведала.

Рады радешеньки сестрицы разошлись, а как не радоваться ведь скоро заботами о ребятушках малых их жизнь украсится.

Пойди туда, не знаю куда

Закручинился как-то один молодец. Вроде всё у него в жизни есть, а на душе неспокойно. Осмотрелся он. И дом полная чаша. И родители в силах ещё, не хворают, во всём помогают, где делом, а где наставлением толковым. И жена умница-красавица, и два сына да две дочки подрастают. И сам работник умелый, а всё ж чего-то ему недостаёт. Куда-то душа стремиться, а куда не поймёт. Совсем уж угрюмым ходит.

Приметила супруга его, что друг сердечный печалится и отсылает к отшельнику, что в дубраве неподалёку живёт: — Иди, любимый, авось, подскажет, как напасть твою преодолеть. Сказывают люди, что просветленный он житейской мудростью. Может, что дельное посоветует.

Согласился молодец, котомку наскоро собрал и в лес пошёл. Долго ли коротко ли отыскал он дуб-великан, у которого в скромном шалаше нашёл свой приют отшельник.

Поделился припасами молодец и беду свою поведал.

Выслушал белобородый старец молодца и говорит: — Как я посмотрю, нет у тебя беды. Уныние твоё легко поправить. Да только кроме тебя самого никто тебе не поможет.

— Я готов! — отозвался молодец, — Будь ласков, научи меня.

— Что же, вот тебе задание: — Пойди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что.

Остолбенел молодец, руками развёл: — Да как же это выполнить можно?

— А ты расспроси меня, — улыбается отшельник.

— Где же это видано, где же это слыхано такую работу исполнить? О чём спрашивать то?

— Не робей. Уточняй. Разъяснений спрашивай.

Похмурился молодец, похмурился и наконец-то спросил: — Скажи-ка мне дедушка свою мечту заветную. Чему бы твоё сердце порадоваться смогло?

Скривил губы отшельник: — Да кто же его знает, чего мне для отрады надобно.

Молодец не отстаёт: — Опиши, как выглядит твоё счастье? Где ты? Кто рядом?

Улыбнулся отшельник, и слово молвит: — Вижу я себя в тишине дикой природы. Ласкает меня солнце, ветер свежести нагоняет. Не беспокоят меня. Один живу, размышлениям и молитвам предаюсь.

Потутился молодец, но спрашивать продолжает: — А сейчас вам как живётся?

— Неплохо друг мой. Разве что ноги почти не ходят. Стар я. Дубрава свежими объятиями бодрит. Солнце сквозь кроны деревьев улыбается. Да гости захаживать стали. Что ни день, так отвлекают от дум моих.

— И что же, есть у вас силы али резервы какие, чтобы добраться до того места, о котором мечту имеете?

— Приметил я гору одну, как раз как в моих видениях. Да по большей части гладкая она как яйцо. Не подобраться. Разве что птицу какую упросить отнести меня. Другой выход — самому в скале ступени высечь. Есть ещё тропка козья нехоженная, может и по ней взобраться можно.

— И что же делать будете?

— Птицу не сыскать, чтоб доставила меня как ковёр-самолёт. Не каменотёс я, и до конца жизни с лестницей в горе не справиться. А вот судьбу испытать на козьей тропе можно.

Обрадовался молодец: — Так вот же оно! Вот ответ, на поверхности лежит. Мы с вами нашли то место, куда вам надобно и поняли, что не вам оттуда что-то принести надо, а вас туда сопроводить требуется.

Кивнул старец: — Хвалю, справился. А теперь смекни и для себя ответ.

Оторопел молодец, головой затряс.

С минуту он молча постоял и давай вслух рассуждать, чтобы уложить мысли в стройный ряд: — Мне, значит, надо самому себе представить счастливое место, где я хочу оказаться. Так, так, так. Счастлив я под кровом родным, когда жена рядом и ребятишки играют, родители невредимы и всё что сердцу хочется делать можно.

Защёлкал пальцами молодец, призадумался, а отшельник молчит, как воды в рот набрал.

Продолжил рассуждать молодец: — Теперь надо понять, что у меня сейчас есть. И кров есть и семья, ... Ах! Да нет у меня угла удобного, где мог бы я кораблики деревянные строить. С детства страсть эта позабылась. Что же мне надо для этого? Что могу? В сарае разве что подвигать или на чердаке мастерскую устроить, али около хлева под навесом местечко

обустроить. Точно, так и сделаю. Там и дровница недалече. Стружкой сорить меньше буду и прибираться легче.

Взглянул молодец на отшельника, глаза как звёзды горят: — Как это вы ловко устроили. Неужто и правда мне для полного счастья моих корабликов не хватает?

Кивнул тот и степенно отвечает: — Как пять пальцев на ладони, есть у человека пятёрка потреб. Перво-наперво, нужна ему любовь родителей. Если есть какие обиды, хоть самые давние, беспокойно на душе будет. Примириться и с отцом, и с матерью надо. Во-вторых, любовь и понимание в собственном семейном очаге обустроить следует, ибо зачахнет человек без этого. В третьих, надобны каждому друзья надежные, чтоб разделить любое лихо могли, и чтобы в радости тоже рядом были. В четвёртых, дело или ремесло должно быть обязательно, по которому люди понимать будут для чего этот человек нужен обществу или бесполезный он. И пятая потреба — это для души увлечение, такое занятие, где бы он сам с собой был один наедине, чтобы как в детстве мог отвлечься на игру и, заскучав, охотно вернуться в дела привычные, чтобы оскомины они в нем не набивали. Иди домой же. Поди семья уж истосковалась.

Поблагодарил молодец отшельника и спрашивает: — А вы как же? Сначала я ваше желание исполню. Вдвоём надежнее будет по козьей тропке то взбираться. А потом уж и до родной стороны отправлюсь.

Согласился отшельник на помощь. Сменил жилище. Да только вскоре снова его люди отыскивали. Любит человек другого совета спросить, хоть и сам все ответы в голове носит.

Три правды

Пригласил как-то царь одного почтенного мудреца в гости, за стол усадил, накормил хорошенько и спрашивает: — Растут у меня три сына, три царевича. Да не хотят уму-разуму набираться, не слушаются окаянные. Как им царство вручать коли они все такие бестолковые. Дай совет как на путь истинный их поставить.

Закивал мудрец и стал расспрашивать: — Расскажи мне царь-батюшка, как ты с детками своими общаешься.

Царь вскинул вверх указательный перст правой руки и давай им размахивать, да хвалиться: — Как провинится кто, тотчас приказано их учителям докладывать и ко мне нерадивого вести. Я им спуску не даю. В дальний сундук наказание не откладываю. Иной раз и под розги попадают.

— А потом что? Бывают ли у вас беседы какие? — спрашивает мудрец.

Возмутился царь такому вопросу: — Что ты! Что ты! Откуда мне! Царством управлять это тебе не щи варить, когда мне беседы глупые вести? Понятное дело я целый день и ночь о благе народа думы думаю, нет у меня и минуточки свободной.

Склонил покорно голову мудрец и говорит: — Не гневайся царь-батюшка. На твой вопрос ответить хочу. Думаю, нет ладу между тобой и соколиками твоими из-за того, что нет у вас встреч иных кроме бранных. Перетерпят они ругань родительскую, да и идут восвояси. Ничего ценного из слов твоих не улавливают.

— Как так? Я же им только правильные вещи говорю! Кто же им ещё как не родитель глаза на правду раскроет!

— Уж больно горька правда у тебя получается. Детушкам её выплюнуть побыстрее хочется. Оттого-то и урок не усваивают, новыми провинностями обрастают.

Призадумался царь. Двигает корону, лоб хмурит. Не нравится ему слышать слова не лестные, да за этим и позвал он мудреца, ибо все его советники только сладкий мёд ему в уши льют, да нахваливают.

Выждал маленько мудрец, видит, не серчает уже царь и продолжил: — Мальцам три правды говорить надобно. Одна хвалебная, чтоб знали, что дело доброе сотворили, да образец

как надо делать получили. Вторая выправляющая, чтоб поправки какие можно было из неё почерпнуть, да исправиться. Третья же подъёмная, то бишь для зрелости, чтобы впрок положить что-то можно было из речей твоих.

— Ишь ты, три правды, — дивится царь.

— Это ещё не всё, — улыбнулся мудрец. — Помнить надо народную мудрость — как не старайся воспитывать, а всё ж на родителя дети похожи будут, дела отца да матери им главнейший образец.

Замахал царь руками: — Это мне известно. Ты мне лучше сказывай, как твои три правды говорить.

— Не трудно это. Коли похвалить надо, молви отпрыску своему что чувствуешь. Горд им, а ли счастлив от дел его. Да проговори, что именно тебе по сердцу пришлось. Скажи, как это на других повлияло, да какое благо принесло. Натворил малец что-то, хорошенько выпроси попервах. Да только после этого расскажи ему, что именно расстраивает или печалит тебя как родителя. Укажи в чём его дело бесславное ещё кого-то затронуло. Да на следующий раз наказ дай, чтобы знал отрок о твоих ожиданиях. А коли о будущем печёшься, так встречи время от времени проводи, где подмечай ребятам своим что у них хорошо получается, подсказывай на что обратить внимание стоит, да научай к чему это приведёт.

Молчит царь, призадумался.

Встал мудрец из-за стола, поклонился царю и напоследок промолвил: — Не будешь время этому делу уделять, потом пеняй на себя. Не бывает так, чтоб всё само делалось. Любовь родительскую никто не заменит, да лучше учителей хоть своих, хоть заморских не объяснит правды жизненной.

Хворь

Одолела как-то одного царевича хворь неизлечимая. Уж все лекари царства в темнице томятся, никто вылечить царского сына не может. Послал тогда царь гонцов к заморским лекарям, а те бояться в гости ехать к такому грозному властелину, думают, что не сносить им головы. Закручинился царь, приходит к сыну в опочивальню, сел рядом и принялся безутешно рыдать. Царевич до этого неподвижно лежал, только в окно невидящим взором смотрел, а тут вдруг раздался слабый голос.

— Батюшка, что за горе с тобой приключилось?

Всхлипнул царь: — Как мне ни плакать, ни сокрушаться коли моё единственное дитя при смерти? Никто за твою хворь браться не хочет.

Сын вздохнул: — Сказывал ты мне батюшка, когда я совсем юнцом был, что от любой заразы можно избавиться. Разве не так это?

Приосанился царь. Вспомнил ту беседу, когда сам сына поучал, что никогда руки опускать не надо, что пока теплиться жизнь надо бороться.

Утёр он слёзы и спрашивает: — Давай-ка сынок, вспоминай. Когда это у тебя началось, что ты с кровати вставать перестал? Что тогда случилось?

— А чего вспоминать, я и сейчас о том же думаю.

Дивится царь: — И что же это у тебя за дума такая окаянная, что тебя добра молодца на лопатки уложила?!

— Полюбилась мне одна девица...

Перебил царь: — Делов-то! Обвенчаю и хвори твоей сердечной конец!

— Если бы дело было только в этом, я бы уже давно к тебе батюшка пришёл, да благословения испросил.

Хмурится царь: — Неужели замужнюю бабу приглядел?

— Нет. Что ты. Грех ведь это. Юная незабудка моя Настасья.

Потирает руки царь: — Добуду я тебе твою Настасью. Говори кто такова эта дивчина? Соседских царевен с таким именем не припомню.

Еле слышно отвечает сын: — Не царских она кровей батюшка. Может быть, крестьянка моя любимая Настасья. Увидал я её у нас в стольном граде на ярмарке. С тех пор ни есть, ни спать не могу. Всё может поделатъ царевич и будет исполнено. Да невозможно царскому отпрыску выбирать спутницу по сердцу.

Будто упало внутри всё у царя, сидит, словно наковальной придавило, а мысли пчелой жужжат: «Или счастье сыну обустрою, но без царства оставлю или в гроб загоню, запретив жениться. Один исход без наследника государству быть. А коли так, то завоюют государство наше, как только с возрастом ослабну».

Стала поджимать царя тоска зелёная. Хоть топиться идти. Тут он глянул на сына своего, и вспомнил ещё один урок, который ему давал.

Приободрился царь и говорит: — Сынок, помнишь, мы с тобой как-то задачку решали? Когда молодец один после ученичества у мастера хотел на работу устроиться, да не брал его без опыта никто.

Кивнул царевич: — Как же. Помню. Невозможно устроиться на работу без опыта, а, не работая, опыта то и не получить.

— А ответ у этой задачки помнишь?

— Гнать такие мысли взашей надобно. Ибо человек сам себя убеждает, что он слаб.

Умолк вдруг царевич. Пораздумал немного и на локтях приподнялся.

Взглянул он на царя и спрашивает: — Батюшка, неужто я сам себя так на лопатки уложил?

— Тебе виднее, сынок. Что делать-то будем? Если так сильно она тебе в сердце запала, то отпускаю я тебя от обязательств царских.

Сел царевич на кровати: — А я и не спрашивал её. Вдруг откажет? Я ведь по обоюдному согласию хочу семейное счастье строить.

— Тут уж я тебе не советчик. Ты как я вижу, поправляться стал. Сам разберёшься. А мне вон надо лекарей из темниц выпустить, да письма родственникам писать, кто приемника мне из детей своих прислать сможет.

Встал царь и вышел. Царевич поднялся с кровати. Расправил плечи. Вольготно ему дышать стало. Хочешь, сватайся, иди. Не хочешь, не иди. Опять он волен решения принимать.

«Благодарствую, батенька за науку» — подумал царевич и снарядился свататься.

На другой день сыграли свадьбу. Настасья та из боярских дочек оказалась, не пришлось царю другого приемника искать. Свататься молодец в простом одеянии пошёл, она согласие дала, а как открылось, что сам царевич это, то-то радости у родителей было.

Целебное учение

Приметил как-то один царь, что среди его мастеров, тех, что славились и за пределами царства все родные братья да сёстры. Любопытно ему стало, что это за род такой, что и художники есть, и военачальники знатные, и врачеватели, и цирюльники славные.

Переоделся он пилигримом и пошёл в гости к отцу того семейства, у которого дети один другого учёней, да известней.

Встретил царя хозяин добротного дома, за стол усадил, угостил и стал о странствиях расспрашивать. По простому образу разговор ведёт. Открытым взором смотрит.

— Поделись, куманёк, чем мир славен?

Махнул царь рукой: — Что в мире делается мне не ведомо, а вот про сына твоего старшего толкуют, что самый удалой ваятель, его чудные творения из камня не один терем украшают. Как ты такого вырастил, сам ведь пахарь простой?

— Да, как и всех детушек своих, так и его растил. Приметил, что ему любо лепкой заниматься и нахваливал, а тот старался. Из раза в раз лучше получалось. Сызмала говаривал сыну, что нужным для людей труд его станет.

— Неужели так просто? — диву даётся царь.

— Слыхивал небось, народную мудрость, что «если дитя поросёнком звать, он захрюкает»?

— Может и слышал, а что? — недоумеваает царь.

Смеётся мужик: — Так в этом сама подоплёка и таится.

Поспешил государь домой, а сам думает: «Что-то мужик не договаривает. Сколько я своему сыну не твержу, что он наследник, будущий царь, а он и в ус не дует, лодырничает, учиться отказывается. Пошлю как я сынка своего к этому мужику на воспитание. Пусть годик поживёт у него. Авось что поменяется».

Приказал царь приставить царевича к мужику знатного отпрысками. Казну выделил и стал ждать. Прошёл год. Вернулся царевич.словно чудо какое свершилось. За ум взялся. В дела царства вникать стал. Да только через полгода опять в лодыри скатываться начал.

Зовёт тогда царь мужика, корону надвинул на лоб, чтоб тот в нем пилигрима не признал, и спрашивает: — Ты это как мой указ выполнил? Почему царевича не доучил?

Пожал мужик руками: — Не гневайся царь-батюшка. Отрок твой справлялся с задачей покамест под моим кровом жил. Да ослабла его воля, когда в родные хоромы вернулся.

Побагровел царь от такой дерзости. Заскрёб ногтями по столу. Да любопытство разбирает. Сидит, молчит.

А мужик тем временем рассказывает: — Вы бы сыну своему вотчину выделили какую, чтобы без дела не сидел. Подсказывали, да направляли. Тогда задор его падать не будет. А коли хотите, чтобы он и отца превзошёл, так и говорите с ним без пренебрежения, что мал, да не до всего дорос не тычте. Давайте решения принимать и не твердите, что он вас опозорит, коли в чём неудача случится. Поверьте в него. Дайте это ему понять, — тут мужик пальцами щёлкнул и на царя указывает: — Вот вы в чём думаете роль мастера перед учеником?

Царь буркнул: — Ремеслу обучить, да и всё.

— Ан нет. Мастер должен охоту не отбить учиться. Чтоб ученик рос, ему по крупницам в голову вкладывать надо, что однажды он станет лучше. Да указывать на самого лучшего, народом признанного мастера, чтобы знал куда глядеть, да на кого ровняться в ремесле выбранном. А вы чуть, что кричите сыну, что он ни на что не годен. Он то и верит батюшке. Доверяет вам. Вам ведь ли не знать, что верно, а что нет. Ваши слова его и сломать, и излечить могут.

Обомлел царь. Наградил мужика и с миром отпустил.

За сыном послал и повинился: — Ты прости мне слова мои неразумные. Как лучше хотел. Думал, если буду тебя в хвост и в гриву поносить, так ты у меня образцовым царевичем вырастешь, будет кому корону передать, на кого царство оставить. Да только сейчас я уразумел, что так я крылья тебе подрезаю, гублю душеньку и себе погибель готовлю. Отныне не услышишь ты от меня слова бранного.

Сказал, так и сделал. Как праведный царь слово твёрдо держал. И день ото дня стал видеть, как расцветает мудрость в царевиче. Тогда он мужика этого генералом назначил и снарядил вельмож своих обучать, втолковывать знания о целебном учении, чтобы всё царство обогатилось достославными умами.

Заноза

Как-то решили горожане новую крепость возвести. Набрали люду градостроительного из известных мастеров и наказ дали Кремль с десятью башнями построить. Одного крепкого молодца по имени Иван Главным зодчим назначили, чтоб с Кремлем в срок справились.

А Иван про себя думает «Чего за ними приглядывать, да над душой стоять? Работу свою знают, не подведут».

Вот подходит срок. Решил Иван для порядка по стройке пройтись. Идёт сам себя ругает: «Что ж я сразу не пошёл! Одни строители уж восемь башню закладывают, а у других всё ещё первая до самого основания рассыпается!».

Всё бы ничего, да уставать начали старатели, притомились, медленно работают. Надо срочно неумельцам подсобить, чтоб Кремль в срок поставить да, чтоб доброту всё было обустроено.

Стал Иван ходить да народ строительный подслушивать, выведать хотел, в чём собака зарыта. Пошёл к неумельцам. Ругань стоит. Башни и работников клянут, на чем свет стоит. Кто в лес, кто по дрова орудуют.

«Да. С такими каши не сварить» — почесал затылок Иван, и пошёл к тем, что пошибче работали.

Приятно смотреть. Ладно работы ведут. Друг друга слушают. Подсобников поучают, что защиту новую для града возводят.

Прикинул Главный зодчий: «Вот она заноза. Беда в отношениях и отношении к делу. Да как её вытащить, заноза то глубоко засела, раз таких опытных мастеров рассорила?».

Думал Иван, думал и придумал. Объявил он банный день строителям. Да так всё обустроил, что подсобника одного ушлого от умельцев к неумельцам посадил и сам к ним присоединился и давай паренька расспрашивать, да так чтоб всем хорошенько его слышно было.

— А ну малец рассказывай, чему научился, освоил ли золотые азы мастерства? А я подумаю, сгодишься ли ты для города после стройки, али нет, присоединять тебя к городским строителям, али нет, — важным голосом протрубил Иван.

Притихли все, приготовились слушать, мало ли кого ещё Главный зодчий спрашивать захочет.

А тем временем паренёк затараторил: — Как не выучился? Выучился! Наперёд соседушкам по работе открыться надобно в чем приуспел, а в чём тебе лучше работу не доверять. Тока, когда не подведёшь доверять будут.

— Как так? Незнакомы же все? Кто же тебе поверит? — спрашивает Иван.

— Так сразу враньё вылезет. Брехать нельзя. Прогонят. А доверять взаимы надобно. Без этого никак дальше не двинуться.

— Куда двинуться? — притворно диву даёт Главный зодчий.

— К беседам толковым. Там шумно так бывает. Зато каждый высказаться может и услышан будет. Наилучший способ так избирается. Для дела польза существенная. Всяк довольный уходит, даже если попервах и несогласный был.

— А потом что? — прищурился Иван.

Малец притих на минутку и, подумав, говорит: — А потом уши, если за какую провинность надерут не обидно. Благодарить, если остановили, когда чуть было какое дело дурно не сотворил от неумения. Потому как на всех обязанность лежит общая. Каждый друг другу плечо подставляет.

— Во как и что в итоге? — подмигнул пареньку Главный зодчий, сам рад радёшинек сидит, задумчивые лица вокруг наблюдает.

— Самое сладкое, — расплылся в улыбке подсобник. — Идешь и доволен от того, что такая красота полезная появляется.

— Эх, хорош ты парень! Бывать тебе среди строителей! — похвалил Иван и зашагал прочь.

Через три дня стройка окончена была. Раньше сроку справились. Уразумели люди, что когда каждый свою правоту гнёт не быть добру и похвалиться нечем.